

В. А. Успенский

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА НИКОЛАЕВА КАК СОБЕСЕДНИК

Могу указать точную дату, с которой я знаю Татьяну Михайловну: 21 мая 1958 г. В тот день состоялось закрытие первой (она же и последняя) Всесоюзной конференции по машинному переводу, проводившейся в стенах Московского государственного педагогического института иностранных языков (ныне — Московский педагогический лингвистический университет). На заключительном пленарном заседании я делал доклад об итогах работы одной из двух секций конференции, а именно секции алгоритмов машинного перевода. После доклада ко мне подошла незнакомая молодая женщина — подошла с тем, чтобы выразить неудовольствие (если не сказать: возмущение) по поводу некоторых моих высказываний. Эта молодая женщина и оказалась Т. М. Николаевой. Оказалось также, что она меня знает уже более полутора лет, поскольку регулярно посещает занятия семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании», которые с сентября 1956 г. проходили на филологическом факультете Московского университета; семинаром руководили Петр Саввич Кузнецов, Вячеслав Всеволодович Ива́нов и я.

Это был не единственный реприманд, который я получил от Татьяны Михайловны: помню ее остроумное возражение на одно из положений моего оппонентского выступления на защите ее кандидатской диссертации в Институте русского языка в апреле 1962 г.

С тех пор Т. М. Николаева написала много научных трудов (см. их список на с. 959—975 настоящего сборника). Однако некоторые замечательные свойства ее интеллекта никогда не были зафиксированы. Оно и понятно, поскольку эти свойства раскрываются прежде всего в ее частных беседах. Каким термином следует обозначить эти свойства, я не знаю, но проявляются они в ее умении охарактеризовать то или иное явление посредством лаконичной и часто неожиданной формулы¹. Татьяна Михайловна всегда стремится представить собеседнику свою мысль в максимально ясной форме и предложить четкое определение обсуждаемым предметам. Некоторые из таких определений будут даны ниже, и читатель сможет оценить их почти математическую точность.

В этой заметке я попытался воспроизвести те из сообщенных мне Татьяной Михайловной формул, которые мне запомнились. Наверное, были и другие, которые мне не удалось запомнить. Но в этом естественном отборе, произведенном памятью, есть и свои преимущества: кто-то верно подметил, что начинать изучение звездного неба следует в сумерках, потому что тогда видны только самые яркие звезды.

Определение брака

Начну с определения брака, сформулированного Т. М. Николаевой на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов XX в. Датировка здесь существенна, поскольку определение годилось именно для того времени. Оно оставалось справедливым еще два-три десятилетия, но, пожалуй, уже не отражает реалий сегодняшнего дня. В ноябре 2003 г. Татьяна Михайловна призналась мне, что ныне она уже не знает, что такое брак. Свою мысль она пояснила таким пассажем:

Теперь кинозвезда говорит: «Мы с Джоном уже столько лет вместе, имеем троих детей, а вчера он сделал мне предложение. Это было так неожиданно, и я очень рада». И ведь это реальный текст!

Определение Т. М. Николаевой начинается с того, что вводятся в рассмотрение три признака: регистрация, совместный быт, наличие интимных отношений. Браком считается состояние, при котором присутствуют любые два признака из перечисленных трех. То же самое более подробно: 1) наличие любых двух признаков из трех порождает брак; 2) если имеет место брак, то какие-то два признака из трех непременно присутствуют. Недостаточность присутствия только одного признака подчеркивается тем, что в языке имеется специальная терминология для таких случаев: *фиктивный брак* для случая, когда наличествует только регистрация, и *любовная связь* для случая, когда наличествуют только интимные отношения.

Как недавно сказал Т. М. Николаевой один из лингвистов среднего поколения (выпускник знаменитого ОСИПЛа, а ныне профессор РГГУ): «Мы ухаживали и женились, ни на минуту не забывая того Вашего определения брака, с которым мы выросли». Предполагаю, кстати, что автору приведенных только что слов определение брака известно, скорее всего, от меня, хотя и не прямо, а косвенно, через цепочку посредников. Потому что Татьяна Михайловна, сообщив мне более сорока лет назад свое определение, далее — насколько мне известно — его уже никому не повторяла. Пишу об этом для того, чтобы указать следующее качество Т. М. Николаевой как собеседника: найдя удачную формулу и высказав ее кому-нибудь, она как бы избавляется от этой формулы и не видит нужды ее повторять в последующих беседах с другими лицами. Поскольку, очевидным образом я не был единственным ее собеседником, то почти наверняка она делилась другими своими формулами с кем-нибудь другим. Но пока этот другой об этом не расскажет или не напишет, эти другие формулы так и останутся неизвестными.

Определение романа

Примерно в те же годы, когда Татьяна Михайловна дала свое классическое определение брака, ею было случайно обронено определение романа. Понятие 'роман' представляется мне еще с большим трудом поддающимся определению, чем понятие 'брак', а потому предложенное определение я нахожу еще более замечательным. Под словом *роман* здесь понимаются романтические отношения, а не литературный жанр². Определение Т. М. Николаевой было на редкость простым. «Роман, — сказала она, — это когда люди встречаются только для того, чтобы встретиться». И пояснила: «При расставании они договариваются о следующей встрече, не нуждаясь в том, чтобы объяснять друг другу ее причины или поводы: то, что им необходимо встретиться снова, для них самоочевидно. Разумеется, влюбленные могут маскировать свои чувства разными способами — например, вместе учить язык, ходить на лекции, готовиться к зачету и т. д.»

Гендерная дифференциация комплимента

Столь же мимоходом Татьяна Михайловна поделилась со мною следующим своим наблюдением. Женщине и мужчине приятно разное, они по-разному хотят выглядеть в собственных глазах. Мужчина хочет быть уникальным, женщина — типической.

Поэтому женщина, чтобы обольстить мужчину, говорит ему примерно следующее: «Вы такой необычный, ни на кого не похожий, я таких никогда раньше не встречала и даже не подозревала, что такие бывают».

Успех у женщины достигается прямо противоположным способом. Вот дебютная схема.

— Вы мне нравитесь.

Этот комплимент слишком персонален и потому не достигает цели. Женщина молча пожимает плечами: успеха мало. Мужчина продолжает:

— Мне вообще нравятся такие, как Вы.

— (Заинтересованно.) А какие?

Потому что женщине интересно, когда ее причисляют к типу, а не тогда, когда ее рассматривают в ее отдельном, персональном качестве. Поэтому ответом на ее «А какие?» может служить:

— Такие миниатюрные черненькие (*варианты*: беленькие пухленькие; серьезные в очках; ироничные неприступные; и т. д.).

Про мужчин же женщины придумали самое для них, мужчин, убийственное: «Все вы одинаковы!»

Классификация ученых

Примерно тридцать лет тому назад Татьяна Михайловна предложила классификацию ученых, разделив их на четыре типа. При этом как истинный структуралист она опиралась на подходяще выбранную бинарную оппозицию, в данном случае на оппозицию «старое — новое». Комбинируя эти два признака с двумя тематическими позициями: позицией 'что' и позицией 'о чем' — она пришла к четырем классам, или типам, своей классификации: 1) старое о старом; 2) старое о новом; 3) новое о старом; 4) новое о новом. Для каждого из этих типов Т. М. Николаевой был охарактеризован круг принадлежащих данному типу ученых. Эти характеристики были совершенно справедливы лет тридцать тому назад и несколько позже; сегодня, возможно, они нуждаются в некотором уточнении. Однако сами четыре типа кажутся вечными. Вот беглое изложение предложенных Т. М. Николаевой характеристик ее четырех типов.

Ученые первого типа — это мастодонты от науки. Именно они подходят под определение маститый ученый в обыденном понимании. Их охотно приглашают во всевозможные комиссии, редколлегии, ученые советы и т. п. Поэтому они наиболее влиятельны в организационном отношении. Гении в этой категории весьма редки. Зато встречаются великие эрудиты.

Второй тип едва ли не самый престижный. Ученый этого типа выбирает новый предмет исследования, но применяет к нему испытанные и потому понятные широкой публике методы. Типичный пример подобного исследования — описание какого-либо еще не исследованного языка — только что открытого или, напротив, очень древнего: описание производится по схеме, заимствованной из известных описаний родного языка исследователя; а расшифровка описываемого языка состоит в переводе написанных на нем текстов на тот же родной язык.

Третий тип включает как шарлатанов (сознательных и бессознательных), так и гениев. Ясно, что первых больше, чем вторых. Попытку посмотреть на хорошо известные вещи с неожиданной точки зрения, если она не связана с сознательным обманом, саму по себе можно приветствовать, — но только такая попытка чаще всего оборачивается предприятием с негодными средствами. (В свое время так называемые руководящие инстанции были завалены письмами самородков, заявлявших, что они расшифровали Фестский диск или решили сложнейшие математические проблемы, остававшиеся нерешенными в течение веков.) Лишь в сравнительно редких случаях оказывается, что попытка предпринимается теми, кого провидение наделила правом такую попытку предпринять.

Четвертый тип включает первопроходцев. Однако поскольку у них новыми и, следовательно, необычными, непривычными являются и предмет, и метод, их чаще всего просто не понимают, а потому и не слушают. А они, подобно библейским пророкам, не унимаются и продолжают о своем. Если все же им удается пробить ментальную стену, их ждет триумф. Нередко, увы, посмертный³.

Nomina sunt odiosa, поэтому мы оставляем изложенные характеристики без персональных примеров; предоставляем читателю подобрать такие примеры по своему усмотрению.

Способность Т. М. Николаевой к блестящим формулировкам с годами не угасла. Вот, например, что она сказала мне в одном из последних наших разговоров, состоявшемся в ноябре 2003 г.:

Одно из отличий мужчин от женщин состоит в том, что женщина живет по принципу 'пока', а мужчина по принципу 'когда'. В самом деле, женщина говорит: «Пока картошка варится, я допишу статью». Мужчина же говорит: «Когда картошка сварится, я допишу статью».

В том же разговоре она сказала:

Можно говорить о людях партии, о людях тусовки и об индивидуалах. В партию можно вступить. Но в партии — строгая дисциплина, и условием вступления служит готовность на полное подчинение своей деятельности этой дисциплине. Границы партии строго очерчены, границы тусовки расплывчаты, но это не означает, что в нее легко попасть. Более того, вступить (как в партию) в тусовку по собственному желанию невозможно, одного желания тут недостаточно. В тусовке нужно каким-то иррациональным образом оказаться. Индивидуалы же не принадлежат никакой партии и никакой тусовке. Сейчас спрос на индивидуалов.

Татьяна Михайловна считает — и заслуженно считает — себя индивидуалом. Мне показалось, что она этим слегка гордится. Что ж, она имеет на это право: на нее спрос.

3 декабря 2003 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно «Толковому словарю» Ушакова, первое значение слова *формула* таково: «общее краткое и точное выражение (мысли, закона), определение».

² Впрочем, сформулировать точное определение романа как жанра также довольно затруднительно. В то же время эта задача — дефинировать понятие 'роман как жанр' — существенна не только с литературоведческой, но даже и с юридической точки зрения. В самом деле, ежегодно присуждаемая литературная премия Букера, выражаемая в ощутимой сумме в долларах, дается за лучший русский роман. Каким же условиям должен удовлетворять текст, чтобы считаться романом и тем самым иметь право быть заявленным на премию Букера? Летом 1998 г. я обратился с этим вопросом к тому, кто обладал наибольшей компетентностью для ответа на такой вопрос, — к председателю действовавшего в то время жюри Букеровской премии за 1997 г. Таковым был Андрей Леонидович Зорин. По его сообщенному мне определению, романом является любое произведение в прозе объемом не менее 80 страниц стандартной машинописи — разумеется, в презумпции, что сам автор объявляет это свое произведение романом, каковая презумпция заведомо соблюдается для произведений, номинированных на Букера. На мой вопрос, будет ли жюри рассматривать телефонную книгу, представь я ее в качестве романа, ответ был утвердительным. Заметим, что предложенное определение оказывается неприменимым к двум из числа наиболее известных произведений русской литературы — к роману «Евгений Онегин» и к поэме «Мертвые души». И это неудивительно, поскольку понятие жанра представляет собою одно из наиболее сложных в литературоведении. Вот пример, лишний раз подтверждающий эту истину. Как известно, товарищ Сталин наложил на текст более чем слабого сочинения Горького «Девушка и смерть» бессмертную резолюцию: «Эта штука посильнее, чем "Фауст" Гёте». Менее известно, что по поводу ему поднесенной и его прославляющей оды, сочиненной одним из классиков многонациональной советской литературы, он высказался так: «Это подхалимская

штука». Ввиду того что слово «штука» было употреблено в контекстах с противоположным оценочным значением, становилось ясно, что само оно оценочного значения не имеет и тем самым обозначает не что иное, как жанр. (Ходили слухи, что готовились диссертации на тему «Штука как жанр».)

³ Как тут не вспомнить ранжирование гениев, предложенное Станиславом Лемом. Лем разделил гениев на три ранга. Гении низшего, третьего ранга получают признание при жизни. Гении среднего, второго ранга при жизни признания не получают, но получают его после смерти, по прошествии времени, требуемого обществом для понимания их достижений. Гении высшего, первого ранга не получают признания никогда. Дело в том, что открытия, сделанные гением первого ранга, столь революционны, что будь они поняты и признаны человечеством, оно, человечество, пошло бы по принципиально другому пути развития. Но поскольку это открытие вовремя не получило признания, вся мировая цивилизация уже пошла и идет по другому пути, с течением времени все более и более удаляясь от того нереализованного пути, который проистекает из учения гения; а потому это учение с каждым годом делается все более и более недоступным для своего осознания. (Прибавим от себя, что бывают случаи, когда ранг гения впоследствии повышается. Так произошло с Лейбницем. Он был, конечно, признан при жизни, однако, как выяснилось впоследствии, признан не в полной мере. Его учение о бесконечно малых величинах было отброшено в XIX в. как антинаучное, но в середине XX в. неожиданно получило строгое математическое обоснование. Тем самым Лейбниц переместился из третьего ранга во второй.)